

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
Российской академии наук
(СПБII РАН)

ОТДЕЛ _____ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ _____

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
*об основных результатах подготовленной
научно-квалификационной работы*

на тему:

**Польский вопрос во внешней политике России
в царствование Анны Иоанновны**

Направление подготовки : **Исторические науки и археология 46.06.01**

Направленность (научная специальность): **Отечественная история 07.00.02**

Аспирант Сидякина Анна Борисовна _____
(Подпись, дата) (Фамилия И.О.)

Научный руководитель
д.и.н. Свердлов Михаил Борисович _____
(Подпись, дата)
(Фамилия И.О.)

Санкт-Петербург – 2018 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная квалификационная работа посвящена польскому вектору внешней политики Российской империи в царствование Анны Иоанновны. Актуальные для 1730-х гг. проблемы российско-польских отношений вызревали на протяжении первых десятилетий XVIII в. Значительная часть спорных пунктов многоаспектного польского вопроса затрагивала складывающуюся систему международного «баланса сил» и лежала в сфере интересов третьих держав — Австрии, Пруссии, Франции, Османской империи. В связи с этим историю польского вопроса представляется необходимым исследовать в контексте европейской политики России, направленной на создание долговременных союзов на основе «естественных интересов» государств. Активизация дипломатии в царствование Анны Иоанновны после периода относительной внешнеполитической пассивности в правление Верховного Тайного совета заставляет предположить воздействие на внешнюю политику страны личного фактора. Это требует изучения влияния на формирование и реализацию внешнеполитической линии приближенных императрицы.

Актуальность исследования

В 1980-х гг. в отечественной историографии наметился интерес к истории XVIII века, в частности царствования Анны Иоанновны, одного из наименее изученных периодов российской истории. Общее направление современных исследований, связанное с переоценкой господствовавших в историографии представлений об аннинском царствовании на основании требований современной исторической науки, обусловило обращение к внешнеполитическому аспекту как области, в которой результаты деятельности российского правительства представляются наиболее дискуссионными, в том числе из-за неоднозначной оценки роли приближенных императрицы.

Рассмотрение влияния деятелей аннинского царствования на формирование и воплощение внешнеполитического курса находится в русле современных исследований о роли личности в истории. Такой аспект

исследования, посвященного истории внешней политики, открывает широкие перспективы для изучения механизма функционирования власти в период, традиционно определяемый как «бионовщина».

Избранный для изучения польский вектор, наряду с балтийским и восточным, являлся одним из наиболее важных во внешней политике России XVIII в. и, возможно, наиболее болезненным для истории российских внешних сношений в целом. Сложность вопроса, обусловленная уходящими вглубь веков напряженными отношениями между двумя славянскими народами, и его идеологизация в отечественной историографии начиная с XIX в. требуют нового обращения к наиболее острым периодам российско-польских отношений с отказом, насколько это возможно, от стереотипов и учетом достижений и принципов современной исторической науки. Польская историография последних десятилетий сделала в этом направлении большой шаг. В связи с этим представляется чрезвычайно актуальным развитие историографического сюжета предпоследнего польского бескоролья, его предпосылок и следствий также и в российской историографии.

Изучение польской политики аннинского царствования необходимо и для определения места, занимаемого Россией в европейском концерте, ее соответствия складывающимся принципам баланса сил и решения проблемы преемственности власти и политики в Российской империи XVIII в.

Степень разработанности проблемы

Польский вопрос. Первые попытки анализа центральной проблемы польского вопроса, королевских выборов 1733 г., появились еще в годы Войны за польское наследство (1733–1736)¹. Эти полемические сочинения издавались на французском языке и отражали официальную позицию французского двора. Венские союзники представлены в них агрессорами и нарушителями спокойствия в Европе. Во второй половине века появляются мемуары участников и современников событий, из которых наибольшую популярность

---

1 Ср. напр. P. Massuet. Histoire de la guerre présente. Amsterdam, 1735.

приобрели переведенные на русский язык «Записки генерала Манштейна» и «Записки Э. Миниха»². В разгар разделов Речи Посполитой появились первые опыты исторического описания событий почти полувековой давности. В 1785 г. вышла в свет «Histoire de Russie» П.-Ш. Левека³, для истории аннинского царствования и польской войны использовавшего мемуары К. Манштейна. Двигателем российской политики назван А. Остерман; влияния на решение вопроса личных планов приближенных императрицы автор не усматривал. Один из наиболее известных трудов, «Histoire de l'anarchie de Pologne» К. Рюльера⁴, отражавшая точку зрения французского МИД, объясняет действия российского правительства в Польше после смерти Петра I исключительно личными амбициями высокопоставленных придворных, прежде всего, А. Д. Меншикова и Э. И. Бирона. Невысокая историографическая ценность сочинения компенсировалась легкостью стиля, что обеспечило ему популярность у европейской публики эпохи наполеоновских войн. Из серьезных историков первой половины XIX в. к истории российско-польских отношений в 1842 г. обратился Ф. К. Шлоссер⁵. Он впервые рассмотрел польский вопрос в контексте международных отношений Австрии и Франции (Прагматическая санкция и престолонаследие в Парме). Двигателем российской политики Ф. К. Шлоссер, вслед за К. Рюльером, считал курляндские планы Э. И. Бирона. Впервые кратко проследив историю Лёвенвольдова трактата, историк пришел к выводу, что трактат был задуман Австрией и Россией с целью втянуть Пруссию в альянс, несмотря на противодействие короля Фридриха Вильгельма I саксонскому курфюрсту. Главным достижением России в польской войне, помимо славы российского оружия, было избрание Э. И. Бирона герцогом Курляндии.

В России исследование польской темы началось в конце XVIII в., когда,

---

2 Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М., 1997. С. 9-272; Записки графа Эрнста Миниха // Там же. С. 319-410.

3 Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, et des principales nations de l'Empire Russe. Paris, 1785.

4 Rulhière C. C. Histoire de l'anarchie de Pologne, et du démembrement de cette République. Paris, 1807.

5 Schlosser F. C. Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts und des neunzehnten. Heidelberg, 1843.

по приказу Екатерины II, Н. Н. Бантыш-Каменский составил подборку документов архива Коллегии иностранных дел за 1720-е — 1730-е гг. с краткими комментариями составителя⁶. Из всего спектра проблем, входящих в польский вопрос, было выбрано польское наследство. Полвека спустя в общих словах говорил о польском вопросе А. И. Ведемейер⁷. В 1862 г. вышел в свет первый научный труд, полностью посвященный польскому вопросу, — магистерская диссертация В. И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 г.»⁸. В. И. Герье, работавший, как и Н. Н. Бантыш-Каменский, только с материалами КИД, традиционно сконцентрировался на польском наследстве, показав при этом широкий европейский контекст и предысторию проблемы. Спустя несколько лет к польскому вопросу вновь обратилась зарубежная историография — И. Г. Дройзен в посвященных политике Фридриха Вильгельма I разделах своего капитального труда «Geschichte der preußischen Politik»⁹. Исследование было написано на основе прусских, частично австрийских документов, российские материалы историк не использовал. В отличие от В. И. Герье, И. Г. Дройзен уделил большое внимание внутривнутриполитическим и личностным основаниям дипломатии европейских стран. Характерно, что оба историка, основывавших свои выводы на изучении документов, описывают царствование Анны Иоанновны и его главных деятелей стилистически-нейтрально, что выделяет их из предшествующей и последующей литературы.

В 1860-е гг. в связи с подготовкой крестьянской реформы и отмены остзейских рыцарских привилегий в российской печати разгорелась полемика между сторонниками равенства перед законом всех провинций Российской империи и либеральной остзейской прессой, представленной рижским журналом «Baltische Monatschrift». В поисках аргументов стороны обратились

---

6 Бантыш-Каменский Н. Н. Выписка обстоятельная о выборе на польский престол кандидата в случае смерти Августа II и об избрании потом в короли сына его Августа III // Русский вестник. 1841. №11–12.

7 Ведемейер А. И. Обзор главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого до вступления на престол Елизаветы Петровны. СПб, 1848.

8 Герье В. И. Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862.

9 Droysen J. G. Geschichte der preußischen Politik. T. IV. Abt. 2. Friedrich Wilhelm I. Band I. Leipzig, 1869.

к истории. «Бироновщина» и ужасы царствования Анны Иоанновны стали для русской стороны поводом для оправдания анти-остзейских и в целом анти-немецких настроений. Остзейцы в свою очередь подняли тему культуртрегерства балтийских немцев и истории Курляндии герцогского периода, попытавшись реабилитировать Э. И. Бирона. Всплеск интереса к аннинскому царствованию был отмечен идеологизацией эпохи «немецкого засилья», что объясняет крайне отрицательные оценки этого периода у М. Д. Хмырова, С. Н. Шубинского и др.¹⁰, оказавших большое влияние на оценку периода у историков следующих поколений. Попытки критического анализа бироновского феномена, предпринятые в рамках внутривнутриполитических исследований Е. П. Карновичем, В. Н. Строевым, В. Н. Бондаренко¹¹, мало повлияли на изучение внешней политики аннинского царствования, к которой российская дореволюционная историография обращалась сравнительно редко¹². Показательно, что С. М. Соловьев¹³, последовательно проводивший в «Истории России» идею противостояния немецкой и русской партий при дворе Анны Иоанновны, в области внешней политики ограничился изложением фактов, в значительной мере почерпнутых у И. Г. Дройзена и В. И. Герье. Каких-либо оценок или выводов о внешней политике аннинского царствования историк не делал. В отличие от С. М. Соловьева, С. Ф. Платонов, акцентируя отличия политики Кабинета министров от «эталонной» политики Петра I, счел неудачами даже утверждение российского влияния в Польше с восшествием на престол Августа III и в Курляндии — Э. И. Бирона¹⁴.

В рамках советской историографии «польский вопрос» отдельно не

---

10 Хмыров М. Д. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста-Иоанна Бирена, герцога Курляндского // Хмыров М. Д. Исторические статьи. СПб., 1873. С. 311–431; Шубинский С. Н. Арест и ссылка Бирона. СПб., 1871.

11 Карнович Е. П. Значение бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873, № 10-11; Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров. М., 1909; Бондаренко В. Н. Очерки финансовой политики Кабинета Анны Иоанновны, М. 1913.

12 Одно из немногих исключений: Кочубинский А. А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735-1739). Одесса, 1899.

13 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 19 // Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. X. М., 1993.

14 Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Вып. III. СПб., 1899. С. 127–128.

рассматривался. В общих работах, в разделах посвященных «преемникам Петра», польская политика, как правило, едва упоминается. Так, в «Истории дипломатии» польскому вектору вместе с турецким уделен один абзац¹⁵. О возведении на курляндский престол лояльного России герцога не упомянуто.

Одним из первых советских ученых, давших характеристику польского вопроса 1-й пол. XVIII в., стал Г. А. Некрасов. Полагая, что главной задачей польского вектора внешней политики России после завоевания Лифляндии было «воссоединение» с Россией украинских и белорусских земель, историк, тем не менее, отмечал, что при преемниках Петра этот вопрос не ставился¹⁶. Г. А. Некрасов отмечал роль амбиций фаворитов (Б. Х. Миниха и Э. И. Бирона) при преобладающей роли А. Остермана в выработке внешнеполитической линии. Он представил краткий анализ российско-польских противоречий в конце жизни Августа II, хотя некоторые его оценки не вполне последовательны. Так, отказ в предоставлении императорского титула объясняется страхом перед внешнеполитическим усилением России; Польша «сама претендовала на захват Лифляндии» и «не оставляла также и своих претензий на Курляндию»¹⁷. Монография Г. А. Некрасова является первым советским исследованием по истории дипломатии преемников Петра, охватившим столь широкий круг вопросов, однако демонстрирует, что ко 2-й пол. XX в. польский вопрос оставался белым пятном отечественной историографии и целый ряд вопросов истории России, на которые зарубежные историки уже давно пытались найти ответ, в советской науке даже не ставился.

С возрождением в 1980-х гг. интереса к эпохе «дворцовых переворотов» польская политика России по-прежнему оставалась лишь частью исследований более общего плана. Наиболее взвешенную характеристику проблемы в царствование Анны Иоанновны дал Е. В. Анисимов в статье, посвященной внешней политике императорской России при преемниках Петра¹⁸. Решение

---

15 История дипломатии /Под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова. Т. 14. М., 1959. С. 353–354.

16 Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М.: Наука, 1976. С. 217.

17 Там же.

18 Anisimov E. V. Imperial Heritage of Peter the Great // Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge, 1993. P. 21–35.

польского вопроса он рассматривает, с одной стороны, в рамках российско-австрийского союза, — наиболее стабильного из всех альянсов России, а с другой, в контексте «имперской» политики России по отношению к Речи Посполитой, нарастающей после заключения «Вечного мира» 1686 г. Констатируя, что российская политика 1720-х — начала 1730-х гг. отвергала возможность воцарения в Польше как Станислава Лещинского, так и курпринца Фридриха Августа, историк видит в Лёвенвольдовом трактате «репетицию разделов» Речи Посполитой. Обращение России и Австрии к саксонской кандидатуре Е. В. Анисимов объясняет «точным следованием за развитием ситуации в Польше», а совместное действие России и Австрии в Войне за польское наследство воплощением на российской почве Вестфальской системы.

В 1998 г. вышел том «Истории внешней политики России», посвященный XVIII веку. Раздел о политике России 1730-х гг. написан Г. А. Некрасовым и в целом повторяет выводы, сделанные историком в своей монографии. Сделав необходимые уступки стереотипу о продажности иностранцев у власти, в конце раздела автор констатировал, что «основные задачи и направления внешнеполитической программы были восприняты правильно» и «отвечали коренным интересам России», хотя «на проведение внешнеполитического курса серьезное влияние оказывали политическая борьба дворянских группировок и своекорыстные интересы фаворитов и временщиков, что заметно снижало результативность проводимой политики»¹⁹.

Наиболее значительным явлением в исследовании «польской проблемы» последних десятилетий следует считать монографию С. Г. Нелиповича «Союз двуглавых орлов»²⁰. Хотя ученый смотрит на проблему с ракурса австро-российских связей, мы имеем дело с первым после С. М. Соловьева комплексным исследованием польского вопроса в послепетровское десятилетие. К безусловным достоинствам относится обращение к австрийским

---

19 История внешней политики России (конец XV в. — 1917). XVIII век. М., 1998. С. 86.

20 Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010.

делам архива КИД и широкое использование зарубежной, преимущественно германоязычной литературы, освещение интересов и действий не только России, но и ее союзников. Исследователь рассматривает польскую войну как неизбежное следствие напряженных российско-польских отношений, возлагает вину за провал союза Трех орлов на чрезмерно осторожное австрийское правительство и видит в повороте России и Австрии к кандидатуре курфюрста естественное изменение курса в связи с новыми обстоятельствами. Вместе с тем, наиболее слабой частью монографии, на мой взгляд, являются именно польские разделы, в которых историк следует за мыслью В. И. Герье, не привлекая материалов польского фонда АВПРИ, современной польскоязычной литературы и введенных в научный оборот после 1862 г. источников. С. Г. Нелипович не ставил перед собой цели раскрыть внутренний механизм принятия политических решений при союзных дворах, поэтому этому аспекту уделено мало внимания.

В отличие от российской, зарубежная историография XX–XXI вв. по Войне за польское наследство и ее предыстории весьма обширна. Хотя большинство работ посвящено частным вопросам, таким, как деятельность С. Лещинского, публицистика периода бескорольевья, военные действия и взаимоотношения литовской шляхты и т. д., так или иначе затрагивается и вопрос участия в конфликте России. Так как большая часть исследований представляет собой статьи, представляется возможным остановиться только на некоторых, наиболее значимых работах. Польская историография начала прошлого века находилась под сильным влиянием И. Г. Дройзена и одновременно не выходила за рамки парадигмы «биноновщины». Так Ш. Аскенази²¹ в разделах, посвященных предпоследнему польскому бескорольевью, на основании приведенных И. Г. Дройзеном фактов выстроил собственную концепцию борьбы группировок Бирона-Лёвенвольде, Миниха-«французов» и Остермана, результатом которой и стала внешняя

---

21 Askenazy Sz. Przedostatnie bezkrólewie // Askenazy Sz. Dwa stólecia: XVIII i XIX. Badania i przyczynki. T. I. Warszawa, 1901.

политика российского двора. Представление о том, что поддержка Россией курфюрста Саксонского произошла благодаря обещанию последним Курляндии Э. И. Бирону, до сих пор распространено в польской историографии. Книга Ю. Фельдмана о Станиславе Лещинском²² представляет собой попытку представить неудачливого короля Речи Посполитой антигероем. Анализируя в целом известную и опубликованную литературу, историк показывает, что ни цели Лещинского не имели ничего общего с интересами Речи Посполитой, ни поддержка Речи Посполитой не была столь безоговорочной, как это принято было считать ранее. В 1912 г. вышла в свет докторская диссертация Р. Бейриха «Kursachsen und die polnische Thronfolge»²³. Автор постарался на основании опубликованных материалов и литературы, а также документов из Дрезденского государственного архива проследить историю восшествия на престол Августа III сквозь призму переговоров Саксонского двора с Россией, Австрией и Пруссией. Объем введенных автором в научный оборот документов делает эту работу до сих пор весьма популярной у зарубежных исследователей, даже если положения Р. Бейриха (автор придерживается концепции «бироновщины» и, следовательно, непосредственного влияния частных интересов фаворита на ход событий) не всегда подтверждаются приводимыми им материалами. В 1958 г. была издана монография Э. Ростворовского «O polską koronę»²⁴, посвященная деятельности французской дипломатии в Саксонии и Речи Посполитой в последние годы Августа II и в бескорольевье. Как и Ю. Фельдман, Э. Ростворовский поставил перед собой задачу показать политическую обстановку Европы и Речи Посполитой «без прикрас». Введенные им в оборот материалы архива французского МИД показывают, что С. Лещинский не был для французского двора единственным и абсолютным кандидатом, а его поддержка была неразрывно связана с планом «перенаправления» усилий Веттинов с польской короны на австрийскую. Значительная роль в

---

22 Feldman J. Stanisław Leszczyński. Warszawa, 1984.

23 Beyrich R. Kursachsen und die Polnische Thronfolge. 1733–1736. Leipzig, 1913.

24 Rostworowski E. O Polską koronę. Polityka Francji w latach 1725-1733. Wrocław–Kraków, 1958.

продвижении профранцузского кандидата на польский трон отводилась России. Действия французской дипломатии и ее польско-литовских союзников при российском дворе отражали общую логику франко-российского взаимодействия, идущего еще со времен переговоров Ж. Л. Кампредона с Петром I. Образ российского двора воссоздается автором по российской литературе, в частности, С. М. Соловьеву, и опубликованным донесениям Ж. Б. Маньяна. Как следствие, исследователь ограничился традиционным анализом интересов «старорусской» и «немецкой» партий, придя к выводу о фиктивности Лёвенвольдова трактата и преобладании личных замыслов Э. И. Бирона в деле избрания польского короля.

К аналогичным выводам пришли и современные исследователи проблемы, Я. Сташевский и Ю. Геровский²⁵. Отдельного внимания заслуживают монографии и статьи У. Косиньской, которая на сегодняшний день является крупнейшим специалистом по политике Августа II. Большое значение для изучения польского вопроса имеют ее исследования, посвященные польской политике Петра I конца 1710-х — начала 1720-х гг., в частности роли российской дипломатии в дискредитации Августа II и разрыве сеймов, организации оппозиции королю среди литовского магнатерия²⁶. В фундаментальной монографии «August II w poszukiwaniu sojusznika»²⁷ исследовательница дала исчерпывающую характеристику саксонского правительства и главных направлений внешней политики дрезденского двора 1720-х — начала 1730-х гг., на материале архивов Польши, Германии и России. Очень ценным представляется ее вывод о том, что кандидатура курпринца Саксонского не отвергалась российским правительством вплоть до царствования Петра II. Поскольку научные интересы У. Косиньской сконцентрированы на царствовании Августа II, период правления Анны

---

25 Gierowski J. Historia Polski. 1505–1764. Warszawa, 1985; Staszewski J. August III Sas. Wrocław, 2010.

26 Kosińska U. August II i królewicz Fryderyk August w latach 1725–1729 a problem elekcji vivente rege // Kwartalnik historyczny. 2012. No. 2. S. 305-321; Eadem. Rosyjskie plany wywołania antykrólewskiej konfederacji i detronizacji Augusta II w 1719 r. // Kwartalnik historyczny. 1999. No. 3. S. 53-75.

27 Eadem. August II w poszukiwaniu sojusznika. Warszawa, 2012.

Иоанновны изучен ею в наименьшей степени. Посвященная российско-саксонским отношениям 1730–1732 гг. статья 2014 г. основана на донесениях Ж. Лефорта по материалам дрезденского архива и монографии Р. Бейриха. Показательно, что У. Косиньска, в целом доверяя сведениям Лефорта, избегает однозначного вывода о влиянии курляндских предложений Августа II на будущий союз Анны Иоанновны с его сыном, ограничиваясь лишь замечанием, что это могло быть одной из причин сравнительно легкого изменения российской политики²⁸.

Таким образом, хотя в западной историографии отсутствуют труды, посвященные в целом российско-польским отношениям 1720–1730-х гг., приходится признать, что эта тема разработана и разрабатывается значительно подробнее и шире, чем в российской историографии. Однако, польский вектор российской политики после Ништадтского мира все еще изучен мало; представления о внутривосточных причинах и механизме выработки стратегии и тактики дипломатии пребывают в рамках традиционных представлений о «немецком засилье» и «бируновщине» и нуждается в новом исследовании.

Курляндский вопрос. Первые попытки анализа курляндского вопроса 1730-х гг. относятся ко времени нового витка борьбы за герцогский трон — 1762–1764 гг., когда герцог Эрнст Иоганн по воле Екатерины II вернулся в Курляндию. Сочинения «карлистов» (сторонников герцога Карла Саксонского, сына Августа III) и «эрнестинцев» апеллировали к историческим фактам, нормам феодального и международного права и обильно цитировали документы прошедшей эпохи²⁹. В 1833 и 1837 гг. в Митаве вышел в свет двухтомник В. Крузе «Curland unter den Herzögen»³⁰. Две главы, посвященные обстоятельствам избрания герцога Эрнста Иоганна и его первому правлению,

---

28 Eadem. Stosunki Augusta II z Rosją w latach 1730—początek 1733 w świetle relacji saskiego posła w Moskwie i Petersburgu Jeana Le Forta // Kwartalnik Historyczny. Rocznik CXXI. 2014. №3. S. 590–591.

29 Напр.: Keyserlingk H. Ch. Remarques d'un Courlandois sur le mémoire donné relativement aux affaires de Courlande. 1763; Klopmann L. B. Jus ducem eligendi perillust. statibus Curlandiae et Semgalliae competens extincta quoque stirpe mascul. Kettleri, London, 1758.

30 Cruse W. Curland unter den Herzögen. Mitau, 1833–1837.

опираются на публикации XVIII в. и документы, изданные позднее. Рассказ об избрании выдержан в нейтральных тонах, помимо официальной российской, отражает и точку зрения противников Э. И. Бирона в Польше и Курляндии.

Для собственно российской, как позднее и советской, историографии курляндская тема оставалась закрытой на протяжении двух столетий. Единственным сочинением по курляндскому вопросу 1-й пол. XVIII в. является работа П. К. Щебальского «Князь Меншиков и граф Мориц Саксонский в Курляндии» (1860)³¹, сосредоточенная вокруг двух героев «курляндского инцидента». Важную роль для прояснения курляндского аспекта польского вопроса сыграла монография М. А. Полиевктова «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725)»³². Впервые на российской почве историк обратил внимание на принципиальное значение проблемы Курляндии для российско-польских отношений, что, однако, никак не изменило судьбы этой «закрытой» для российских историков темы.

Остзейская историография 1860–1890-х гг. также интересовалась 1720–1730-ми гг. значительно меньше, чем периодом шведского владычества или екатерининских реформ, что объясняется маловажностью этой эпохи для центрального для балтийских историков крестьянского вопроса. Исключением являются статьи Ю. Эккардта о Морице Саксонском³³. В общих работах о «курляндском наследстве» и воцарении Э. И. Бирона лишь упоминается. Следует отметить статьи, посвященные феномену бироновщины и лично Э. И. Бирону, в частности Э. Винкельмана, и особенно исследование Э. Фиркса о генеалогии рода Биренов/Биронов, не потерявшее актуальности до сих пор³⁴. В целом остзейская дореволюционная историография, расходясь в оценках влияния курляндских планов Бирона на воцарение Августа III, оценивала деятельность Э. И. Бирона в России и Курляндии достаточно положительно.

---

31 Щебальский П. К. Князь Меншиков и граф Мориц Саксонский в Курляндии. М., 1860.

32 Полиевктов М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721-1725). СПб, 1907.

33 Eckardt J. Moritz von Sachsen in Mitau // Rigasche Zeitung. 1864, Nr. 123, 124, 151 und 175.

34 Winkelmann E. Russland und Ernst Johann Biron // Baltische Monatschrift. 1867, XV. S. 361–383; Fircks E. von. Die Buhren in Curland // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. 1894.

В независимой Латвии к курляндской проблеме обращался М. Ашкевиц³⁵. В его статьях и диссертации, защищенной в 1933 г. в Лейпциге, поднимается и тема немцев при дворе Анны Иоанновны. В диссертации проблема деятельности Г. К. Кейзерлинга при возведении на престол Э. И. Бирона, которая прежде затрагивалась только С. М. Соловьевым, раскрыта на основании документов герцогского архива в Митаве и государственного архива в Дрездене. М. Ашкевиц пришел к выводу, что возведение Бирона на курляндский престол было не личной прихотью обер-камергера, но важной задачей российской политики и отвечало интересам Империи.

В 1990-е гг., в том числе благодаря знаменательному юбилею Э. И. Бирона, в Латвии и Германии наметилось возрождение интереса к истории «курляндского вопроса». Наиболее важной работой стала диссертация К. Штрома «Die Kurländische Frage (1700-1763)»³⁶, охватывающая период от начала Северной войны до присоединения герцогства к Российской империи. Историк рассматривает курляндский вопрос в контексте планов российских монархов по установлению господства над Восточной Европой и династических интересов Саксонского дома. Контроль за Курляндией обеспечивал России влияние на Польшу, что отвечало ее интересам на протяжении всего столетия. И наоборот, поддержка Августом III кандидатуры Э. И. Бирона была не просто платой за королевский трон, но и средством привязать российскую императрицу и ее фаворита к интересам Веттинов и абсолютистским планам самого короля.

В российской постсоветской историографии отдельных работ по курляндскому вопросу 1-й пол. XVIII в. нет. Б. В. Носов в монографии «Установление Российского господства в Речи Посполитой» оценивает действия в Курляндии ближайших преемников Петра с точки зрения дальнейшего развития событий, оставляя, однако, открытым вопрос, поставленный ранее

---

35 Aschkewitz M. Die Wirksamkeit H. K. v. Keyserlings bei der Erhebung E. J. Birons zum Herzog von Kurland, Phil. Diss. Leipzig, 1935.

36 Strohm K. Die Kurländische Frage (1700-1763). Berlin, 1999.

П. В. Стегнием: отвечал ли план захвата Курляндии в Семилетнюю войну фундаментальным задачам российской внешнеполитической линии от Петра до Екатерины, или это был замысел А. П. Бестужева, окончательно оставленный вместе с падением канцлера³⁷. Таким образом проблема оценки воцарения Бирона и значения курляндского вопроса в политике Анны Иоанновны остается нерешенной и требует рассмотрения в контексте польского вопроса 1730-х гг.

Источниковая база

Основной комплекс источников представлен различными видами дипломатической документации российского и иностранных дворов, а также материалами личного происхождения.

Внутриведомственная переписка между дипломатом и правительством. В качестве корреспондента дипломата мог в зависимости от местных традиций выступать как государь (обязательно в России и Пруссии, иногда в Саксонии и Австрии), так и уполномоченное лицо, отвечающее за внешние сношения государства (хранитель печати во Франции, директор Северного департамента в Великобритании, ответственный за внешнюю политику кабинет-министр в Саксонии и Австрии). Дипломат получал документы двух типов:

— инструкции, характеризующие наиболее общие цели и задачи дипломата при его вступлении в должность или начале переговоров. Как правило, издавались от имени монарха, содержали официальную часть, которая могла быть представлена по запросу правительства страны пребывания, и секретную часть, которая хранилась в тайне и шифровалась;

— рескрипты по текущим вопросам, представлявшие собой основной документ служебной переписки. Следует отметить, что как инструкции, так и в особенности рескрипты содержат только сведения, необходимые дипломату для работы, и не дают исчерпывающей информации о политической линии страны.

Главным типом отчета дипломата о текущей деятельности являлась репликация, содержащая отчет о выполнении поручений и сообщение о состоянии

---

37 Носов Б. В. Установление Российского господства в Речи Посполитой. М., 2004. С. 72–73.

дел в стране. К реляциям прилагались дополнительные документы: переписка с третьими лицами; протоколы конференций с министрами; вырезки из газет и публикации официальных документов, платежные ведомости и т. д. Реляция составлялась всегда самим дипломатом и отражала его личное представление о ситуации в стране пребывания. Таким образом, реляции смыкаются по своему характеру с документами личного происхождения. Степень достоверности сведений, изложенных в реляции, зависит не только от опыта дипломата, качества его осведомителей, знания местных особенностей, но и от отношений его страны со страной пребывания. В качестве государственного служащего дипломат обычно был лишен возможности давать оценки событий и деятелей, расходящиеся с мнением своего правительства. Достаточной степенью исторической достоверности обладает лишь то, что дипломат видел собственными глазами.

Корреспонденция дипломата с официальными лицами занимала промежуточное положение между деловой и частной перепиской и использовалась при тех дворах, где официальная корреспонденция направлялась на высочайшее имя (в России адресатами выступали А. Остерман, Г. Головкин). Такая переписка менее формальна, может содержать дополнительную информацию в зависимости от отношений корреспондентов. Может храниться как в фондах дипломатического ведомства, так и в личном архиве адресата.

Международная корреспонденция. Корреспонденция по текущим вопросам могла поддерживаться как между дипломатом и правительством страны пребывания, так и между двумя правительствами. Не носила регулярного характера, была призвана отразить точку зрения стороны на то или иное явление. Представлена такими документами как памятная записка, или меморандум (в терминологии 1720–1730-х гг. — мемориал), и экстракт рескрипта, полученного дипломатом от своего правительства.

Официальная переписка между государями представлена грамотами.

Грамоты носили неформальный характер, подпись государя обязательно сопровождалась контрассигнацией ответственного министра или главы внешнеполитического ведомства.

Дипломатические акты. Основным документом межгосударственного сотрудничества являлись трактаты различных типов (союзный, торговый, оборонительный, гарантийный, оборонительно-наступательный). Содержали основную часть, которая обычно публиковалась, и сепаратные секретные артикулы, которые подписывались отдельно. Достоверными являются сведения частного характера (военная помощь, ее размеры и условия, намерения о совместных действиях). Подлинные причины заключения трактата, как правило, в его текст не вносились. Наибольший интерес для историка представляют сепаратные секретные статьи.

Источники личного происхождения представлены частной перепиской государственных деятелей и дипломатов. Как и дипломатическая переписка, они часто шифровались и отправлялись с курьером. В зависимости от отношений и положения корреспондентов, могут содержать более важные сведения, чем официальные документы. Особенно это относится к переписке Э. И. Бирона с «конфидентами» — К. Г. Лёвенвольде и Г. К. Кейзерлингом.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является внешняя политика России царствования Анны Иоанновны. Влиявшие на нее внешнеполитические и внутривнутриполитические факторы, механизмы ее формирования и воплощения раскрываются на примере решения польского вопроса, который составляет предмет исследования.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — освещение польской политики российского двора 1720-х — 1730-х гг. во всем многообразии, ее влияния на систему европейских союзов и положение России в европейском концерте.

В связи с этим в квалификационной работе решаются следующие задачи:

— проследить возникновение и развитие основных проблем, составлявших

- польский вопрос ко времени воцарения Анны Иоанновны;
- определить круг лиц, влиявших на внешнюю политику Анны Иоанновны, их роль в решении польского вопроса, а также степень воздействия на внешнюю политику отношений внутри российского двора;
  - проследить альтернативные пути решения польского вопроса в 1730–1732 гг. и причины отказа от них;
  - выстроить хронологию образования российско-австро-прусского союза по польскому вопросу и проанализировать содержание сопутствовавших этому документов;
  - выяснить причины перехода к поддержке курфюрста Саксонского на польских выборах и влияние на это Э. И. Бирона;
  - исследовать роль Г. К. Кейзерлинга в подготовке пацификационного сейма;
  - проанализировать подготовку решения курляндского вопроса на пацификационном сейме 1736 г. и выборы герцога в Курляндии в 1737 г.;
  - определить степень решения польского вопроса в царствование Анны Иоанновны и историческую преемственность ее внешней политики.

Методология

Основным методологическим подходом работы является системно-исторический. Естественный для любого исторического исследования, он необходим для истории внешней политики, исследующей диахронический срез реальности. Стоящие перед историографией польского вопроса задачи, трудности в выявлении фактов, хронологической и логической последовательности событий вызвали необходимость в определении фактологии, для чего в ряде случаев в работе был использован нарративный метод. Автор поставил перед собой задачу воссоздания максимально точной картины происходившего, для чего привлекался как можно более широкий круг источников. Поскольку изучение основного типа источников, дипломатических реляций, представляет самостоятельную историографическую проблему, особое внимание в процессе исследования было уделено критике источников и

выработке критериев оценки объективности содержащейся в них информации.

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки исследования определяются заявленной темой. Главный аспект польского вопроса (выбор преемника Августу II) был решен в 1736 г. в ходе сейма, формально закрепившего примирение шляхты с Августом Саксонским и признание его королем Речи Посполитой. Второй по значимости курляндский вопрос завершился в 1737 г. избранием на герцогский трон Э. И. Бирона. Для понимания состояния вопроса и его предыстории изложение начинается с петровского времени, с отдельными экскурсами в XVII в.

Научная новизна

Работа представляет собой первое систематическое исследование польского вопроса российской политики 1720–1730-х гг., понимаемого как часть обширной внешнеполитической программы России и великих держав. Анализируются методы внешнеполитических решений при российском дворе и деятельность дипломатического корпуса. Рассмотрен процесс складывания российско-австро-прусского союза, определены причины и обстоятельства поворота России к поддержке саксонского кандидата, эволюция позиции российского двора в курляндском вопросе. Ряд сюжетов исследован впервые в историографии в целом (посольства А. М. Потоцкого и дело П. Ягужинского, деятельность Ф. К. Лёвенвольде, прелиминарные соглашения Лёвенвольдова трактата) или в отечественной историографии (эволюция отношения России к кандидатам на польский трон, российско-саксонские переговоры 1730–1732 гг., деятельность Г. К. Кейзерлинга по подготовке пацификационного сейма и выборов герцога в Курляндии). В научный оборот введены неизвестные документы, относящиеся к деятельности Э. И. Бирона, К. Г. Лёвенвольде, Г. К. Кейзерлинга; поднят пласт материалов Коллегии иностранных дел ранее известных, но не востребованных исследователями.

Практическая значимость

Материалы исследования могут быть использованы в подготовке общих курсов

отечественной и всеобщей истории XVIII в., истории дипломатии и политической истории, а также специальных курсов по истории Польши и Восточной Европы.

Апробация работы

Научная квалификационная работа обсуждалась на заседаниях Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН. По материалам работы были сделаны доклады на всероссийских и международных конференциях.

СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Квалификационная работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения и приложений (хронологическая таблица дипломатических событий 1730-х гг.; тексты трактатов и прелиминариев, рассматриваемых в диссертации; биографические сведения об основных политических деятелях и дипломатах, упомянутых в диссертации; краткий словарь политической терминологии Речи Посполитой).

Во **Введении** дается обоснование темы исследования, актуальности, целей и задач, обзор литературы и характеристика источников.

Первая глава

Первая глава посвящена характеристике польского вопроса в контексте политики великих держав 1710-х — 1720-х гг., российско-польских и российско-саксонских отношений.

Отношение европейских стран к Речи Посполитой в царствование Августа II определялось сосуществованием в ее политической системе двух самостоятельных субъектов международного права — Речи Посполитой в единстве трех «сословий» (Сейма) и Августа II, выступавшего на международной арене в качестве курфюрста Саксонского. Дипломатические отношения между Россией и Речью Посполитой с 1720 г. поддерживались через российских посланников в Варшаве. Помимо переговоров с королем и Сенатом, их задачей было поддержание связей с оппозиционным магнатиером Великого

княжества Литовского и формирование у шляхты недовольства и страха перед королем Августом II. Другим способом контроля внутривосточного состояния Речи Посполитой была практика разрыва сеймов, к которой постоянно прибегали российские посланники. Препятствуя нормальной деятельности сеймов и поддерживая анти-королевские настроения шляхты, Петр I получал возможность в любой момент ввести войска в Польшу.

Круг спорных вопросов между Россией и Польшей к концу 1720-х гг. включал проблемы международного характера (выбор преемника Августа II, статус Курляндии и Лифляндии) и «локальные» проблемы (положение православных ВКЛ, приднепровские территории, «меншиковы маестности»). Важнейшими для европейской политики были вопрос польского наследства и курляндский вопрос.

Польское наследство. Основными кандидатами на польский трон к концу 1720-х гг. были: сын Августа II (курпринц Саксонский), бывший король Станислав Лещинский, младший брат короля Жуана V Мануэль (инфант Португальский), а также кандидат из польских магнатов («Пяст»). Поддержка или неприятие курпринца Саксонского европейскими дворами зависели от отношения к его отцу, королю Августу II. Готовый поддержать сына Августа II в начале 1700-х гг. Петр I с середины 1710-х гг. в результате охлаждения с королем стал противиться его планам и использовал вопрос наследства для дискредитации Августа II. Вследствие предложений, сделанных А. Остерманом в меморандуме «О Польше и Пруссии» (1725) правительство Екатерины I рассматривало поддержку курпринца как основу для полномасштабного союза с Саксонией, однако переговоры были прерваны весной 1726 г. по инициативе Августа II. В результате, к концу 1727 г. в России сформировалось представление о неприемлемости саксонской кандидатуры, хотя именно в это время ближайшие союзники России, Австрия и Пруссия, приступили к предметным переговорам с Саксонией.

Станислав Лещинский рассматривался в качестве короля, способного

примиришь Петра I и Карла XII, еще в конце 1710-х гг. Пункт о его восстановлении на троне вошел в проект Аландского трактата и обсуждался в Стокгольме в 1724 г. На возможность поддержки Лещинского, в случае требования Литвы, указывал Петр I в рескриптах Г. Долгорукому. Имя Лещинского снова всплыло при Екатерине I в связи с «французским» брачным проектом. Женитьба Людовика XV на Елизавете и одновременный брак герцога А. Бурбона-Конде с Марией Лещинской должны были открыть путь к трону ее отцу, в чем Екатерина I обещала помочь. Неудача брачного проекта, а затем присоединение России к Венскому союзу привели к осложнению отношений с Францией и Швецией и обусловили отрицательное отношение к Лещинскому как кандидату на престол. Однако представление о его органической неприемлемости для России из-за связей с Швецией и Турцией, вопреки утверждениям А. Остермана, сформировалось только к 1729 г.

В силу сложностей переговоров с Саксонией и отсутствия сильного кандидата из магнатов, в конце 1728 г. Карл VI осознал необходимость поддержки третьего кандидата — португальского инфанта Мануэля. Эта кандидатура не нашла понимания у России, продолжавшей поиски «Пяста».

Курляндский вопрос. Положение Курляндии и ее отношения с Речью Посполитой определяли три документа: *Pacta subjectionis*, *Formula regiminis* и конституция Сейма 1589 г. После смерти герцога Фридриха Вильгельма из-за противоречий в них и исторических прецедентов возник «курляндский вопрос», который Речь Посполитая, соседние державы и рыцарство оценивали по-разному. Разделение Курляндии на воеводства и ее присоединение к Польше не устраивали Россию, а также Пруссию, которая рассчитывала добиться герцогского трона для прусского принца. В 1726–1727 гг., после нелегитимного избрания на курляндский трон графа Морица Саксонского, Россия и Польша предприняли попытку силового решения проблемы. Русские войска не смогли помешать польской комиссии, которая должна была подготовить инкорпорацию Курляндии, однако результаты комиссии не были представлены на сейме.

Предложить взаимовыгодное решение ни одна из сторон не могла.

Нерешенной оставалась проблема принадлежности Лифляндии, захваченной русскими войсками в 1710 г. и выкупленной у Швеции по Ништадтскому договору. Польская сторона требовала передачи балтийских территорий по условиям Нарвского трактата (1704), что опротестовывали Петр I и его наследники.

К концу 1720-х гг. значительно обострились «локальные» российско-польские противоречия. Слабость королевской власти, поддерживаемая Россией, препятствовала улучшению положения православных жителей ВКЛ и восстановлению спокойствия на пограничных территориях, где постоянно происходили набеги и грабежи. Не был решен вопрос о статусе имений, приобретенных А. Д. Меншиковым в ВКЛ, в которых без согласия Речи Посполитой находился российский гарнизон. Напряжение в отношениях на «низовом» уровне соответствовало недопониманию в межгосударственных отношениях, при этом собственного плана решения спорных вопросов российская сторона к началу 1730-х гг. не имела.

Вторая глава

Активизация внешней политики России в начале 1730-х гг. и восстановление дружественных отношений с рядом держав находятся в связи с изменениями в составе российского правительства и дипломатического корпуса. Сменились диппредставители России в наиболее проблемных странах (Пруссия, Речь Посполитая, Швеция, Дания, Великобритания, Голштиния). Пост посланника в Речи Посполитой стали занимать лица только немецкого, а с 1731 г. — остзейского происхождения. Это обозначило начало активной фазы решения польского и курляндского вопросов, небезразличных для самой императрицы, вдовствующей герцогини Курляндской и крупнейшей землевладелицы герцогства. Деятельность в Польше Ф. К. Лёвенвольде, нового в российской дипломатии человека, привела к объединению вокруг российских интересов сторонников как Лещинского, так и короля Августа, что противоречило

традиционному для России курсу на сближение с антикоролевской партией. После смерти Августа II негативное отношение России к С. Лещинскому лишило ее поддержки большинства «доброжелательных», на которых делал ставку Петр I и его преемники. Просаксонские магнаты, связи с которыми наладил Ф. К. Лёвенвольде, образовали новую партию, избравшую на трон курфюрста Саксонского и организовавшую Варшавскую конфедерацию.

Внимание новой власти к польскому аспекту внешней политики стали отражением изменений, происходивших при дворе. К лету 1730 г. выдвигаются фавориты Анны Иоанновны — остзейцы К. Г. Лёвенвольде и Э. И. Бирон. Внимание Бирона к дипломатии, его участие в переговорах с иностранными посланниками находят множество подтверждений в документах эпохи. Вопреки восходящему к реляциям Ж. Б. Маньяна представлению, в этом он действовал совместно с А. Остерманом. Пост вице-канцлера не позволял Остерману свободно вести переговоры об альтернативных вариантах внешней политики, так как иностранные дипломаты были склонны видеть в каждом его слове официальную точку зрения российского двора. В роли «разведчика» выступал Э. И. Бирон. Его близость к императрице и статус фаворита создавали иллюзию легкости достижения нужного результата при условии соответствующих инвестиций. Не занимая никакого поста, позволявшего влиять на внешнюю политику, Бирон мог позволить себе свободу высказываний, мнимую откровенность и любые обещания, что помогало ему выведать намерения своих собеседников. Пример подобного стиля работы — переговоры с саксонским посланником Ж. Лефортом, которые Бирон и Остерман вели на протяжении двух лет в тесном контакте друг с другом, выясняя планы Августа II и отвлекая его внимание от переговоров К. Г. Лёвенвольде. Развитие такой дипломатической манеры прослеживается и в переговорах французского секретаря Ж. Б. Маньяна с Б. Х. Минихом в 1732 г., в которых польской и курляндской проблеме было отведено значительное место. Переговоры были инициированы Б. Х. Минихом и велись без ведома А. Остермана и К.

Г. Лёвенвольде. Степень участия Бирона на первом этапе не поддается точному определению, так как все сведения об этом Маньян передавал со слов Миниха. Бирон был поставлен в известность о переговорах не позднее августа 1732 г., однако его отзыв на проект союза и корреспонденция с К. Г. Лёвенвольде позволяют предположить, что содержание переговоров стало для него скорее неожиданностью. В данном случае показательно, что основные возражения на проект были сделаны самим Бироном. Только после того, как стала известна реакция на них французского секретаря, проект соглашения был передан на обсуждение Кабинета министров, где и получил окончательный отрицательный отзыв.

Еще одной попыткой изменения официального курса российского правительства, предпринятой иностранными державами, были две миссии А. М. Потоцкого в 1730–1731 гг. — яркий образец «многоярусной» дипломатии 1-й пол. XVIII в. Являясь одновременно официальным представителем Речи Посполитой, агентом Августа II и польско-французской партии С. Лещинского, Потоцкий действовал в единстве с работавшими в России К. Урбановичем и Ж. Б. Маньяном. Остерман как известный сторонник русско-австрийского альянса был выключен из переговоров по указанию французского Кабинета. Бирон и Лёвенвольде в 1-й пол. 1730 г. не были достаточно известны в Европе. Это предопределило обращение А. Потоцкого к анти-остермановской оппозиции в лице П. И. Ягужинского. В ходе поездки 1730 г. Потоцкому удалось завязать тесные отношения со «старорусской партией» Ягужинского, силу и размеры которой он, по-видимому, сильно преувеличил, и выяснить ее отношение к Лещинскому. Наладив контакт с императрицей и Бироном, он рассчитывал заручиться традиционной поддержкой российского двора для оппозиционной королю шляхты. Однако миссия 1731 г. оказалась менее успешной. Связи П. Ягужинского с Ж. Б. Маньяном и С. Лещинским вызвали подозрение у императрицы и ее окружения. В ноябре 1731 г. Ягужинский был отправлен посланником в Берлин, вслед за ним покинул Россию и Потоцкий.

Переговоры Потоцкого с Ягужинским и Маньяна с Минихом закончились для обоих российских вельмож удалением из правящей элиты. Причину этого следует искать не столько в планах поддержки Лещинского, поскольку Бирон, участвовавший на поздней стадии в переговорах Маньяна-Миниха, готов был обсуждать эту тему с французской стороной. Принципиально важно было намерение Ягужинского и Миниха воспользоваться дипломатической темой для уменьшения влияния Остермана, что императрица и ее ближайшее окружение не считали допустимым. Относительно мягкое отстранение «заговорщиков» объясняется зафиксированным в обоих случаях вмешательством Бирона, заступившегося за Ягужинского и выступившего в роли «посредника» при передаче проекта Миниха в Кабинет. Следует отметить, что оба эпизода протекали на фоне переговоров Остермана и Бирона с Лефортом и никак не повлияли на их совместную деятельность.

Третья глава

Основная линия внешней политики России была направлена на заключение союза с Австрией и Пруссией с потенциальным охватом широкого круга общеевропейских и турецких проблем. Отправной точкой для союза должен был стать польский вопрос. Осенью 1730 г. Россия заключила с Пруссией и Австрией два идентичных договора относительно совместных действий по вопросу польских выборов. Документы подчеркивали недопустимость избрания нового короля при жизни Августа II и оговаривали поддержку кандидата, не представлявшего опасности для контрагентов. Конкретных имен они не содержали. 7 ноября 1730 г. австрийский посланник Ф. К. Вратислав передал российскому правительству меморандум, содержащий более определенные предложения: именное исключение С. Лещинского, преимущественную поддержку Пяста, а в случае невозможности — одного из младших европейских принцев или саксонского курпринца. Проект не был принят Анной Иоанновной, но стал основой для будущих переговоров.

Обострение конфликта союзных стран с Речью Посполитой и Саксонией

в 1731 г. вызвали активизацию трехстороннего переговорного процесса. В августе 1731 — марте 1732 г. состоялась поездка К. Г. Лёвенвольде в Берлин и Вену. Его миссия охватывала широкий круг вопросов: от поддержки российских действий в случае возможного военного конфликта с Польшей и обсуждения голштинской проблемы до создания антиосманской коалиции и судьбы герцогства Курляндского. Лёвенвольде удалось получить от Венского двора обещание поддержки российских претензий к Речи Посполитой и сформировать общую позицию трех держав по статусу Курляндии. В марте 1732 г. состоялось первое обсуждение польского наследства. Ввиду различного отношения к курпринцу и слабости наиболее выгодного «Пяста», П. Сангушки, австрийская сторона предложила кандидатуру португальского инфанта Мануэля. В конце июня 1732 г. Лёвенвольде отправился в Берлин, где 2/13 сентября были подписаны прелиминарные соглашения. Документ однозначно утверждал поддержку в Польше инфанта, а в Курляндии принца Августа Вильгельма Гогенцоллерна. Альтернативные кандидаты не предусматривались, на португальского короля возлагалась обязанность возмещения расходов, понесенных союзниками. Реакция России на прелиминарии не известна. Документ был одобрен Фридрихом Вильгельмом I, но вызвал резкую критику Карла VI. Одобряя поддержку инфанта и прусского принца, выражая готовность исполнять условия прелиминариев, император тем не менее добился внесения значительных изменений. Итоговый трактат 1/12 декабря 1732 г., составленный в соответствии с инструкциями, данными австрийскому дипломату, постулировал исключение С. Лещинского в соответствии с конституцией 1717 г. и поддержку герцогских выборов в Курляндии. Конкретные кандидаты были вынесены в сепаратные артикулы. Допускалась замена инфанта и принца Августа Вильгельма другими кандидатами по соглашению союзников. Таким образом, итоговый документ явно имел антифранцузскую направленность, устраняя от выборов только С. Лещинского и других зависимых от Франции кандидатов.

Заключение трактата держалось в строжайшей тайне даже от постоянных посланников союзных стран. Именно этим объясняется ответ, данный 28 декабря / 8 января А. Остерманом на меморандум Ф. К. Вратислава и значительно отличающийся от трактата. В то же время у Карла VI возникли затруднения с ратификацией договора, вызванные желанием одновременно решить проблему принадлежности Юлиха и Берга, на которые претендовал Фридрих Вильгельм I. В связи с приостановкой переговоров по юлих-бергскому вопросу император попросил Анну Иоанновну отложить ратификацию трактата. Поскольку трактат к этому моменту уже был ратифицирован императрицей, не состоялся его размен. Причину задержки Фридриху Вильгельму I Россия и Австрия не сообщили.

Смерть Августа II 1 февраля 1733 г. положила начало периоду бескоролья, в ходе которого был решен принципиальный для российско-польских отношений вопрос польского наследства. Центральной для историографии проблемой является причина отказа России от инфанта португальского и обращения к поддержке нового саксонского курфюрста, а также вопрос, насколько повлияло на это решение предполагаемое обещание Саксонией курляндской короны Э. И. Бирону. Сразу после получения известия о смерти Августа II российскому посланнику в Варшаве Ф. К. Лёвенвольде из Кабинета была переслана копия сепаратного артикула трактата с приказом поддерживать инфанта. Из-за опасности «конфирмации» С. Лещинского (восстановления его на троне без новых выборов) в конце февраля в Варшаву был направлен К. Г. Лёвенвольде с приказом противодействовать Лещинскому, поддерживать инфанта, но в случае, если его избрание не может состояться без военной силы, подобрать подходящего Пяста. О намерении поддерживать инфанта свидетельствует и грамота Анны Иоанновны к Карлу VI от 27 февраля / 10 марта. Рескрипты к Ф. К. Лёвенвольде называют неприемлемыми для России кандидатами не только Лещинского и дом Чарторьских, но и курфюрста Саксонского.

До начала марта в России не имели сведений о намерениях саксонского и венского дворов. Только 4/15 марта было получено известие от Ф. К. Лёвенвольде о том, что Карл VI более не противодействует курфюрсту, которого поддерживает значительное число магнатов. 31 марта / 11 апреля Ж. Лефорт передал в Кабинет рескрипт курфюрста, в котором Фридрих Август II объявлял о своем намерении бороться за польскую корону и вступить ради этого в союз с Россией, Пруссией, Австрией и Великобританией. В отсутствие сведений от португальского двора, А. Остерман составил меморандум для Карла VI о возможности поддержки курфюрста как наиболее сильного соперника Лещинскому, при условии заключения им соглашений с союзниками. Одновременно Э. И. Бирон сообщил английскому резиденту, что Анна Иоанновна точно намерена поддержать курфюрста. Однако Остерман и Бирон, продолжавшие переговоры с Ж. Лефортом и новым посланником М. Линаром, так и не получили от Саксонии каких-либо конкретных предложений или обещаний, о чем свидетельствует донесения Ж. Лефорта еще в конце мая. Таким образом первоначальный поворот российского двора к поддержке курфюрста не был связан с какими-либо обещаниями с его стороны.

В середине мая из Вены был получен проект трактата с Саксонией. Передача в нем российских требований в общих терминах заставила Кабинет взять инициативу в свои руки. 12/23 мая Лефорт получил «пять пунктов», содержащих основные требования российского двора, а 26 мая / 6 июня — текст обязательства заключить оборонительный трактат, составленного от имени курфюрста. Курфюрст предлагалось согласиться на взаимную гарантию владений и подтверждение трактатов 1686 и 1704 гг., удовлетворить всех проистекающих из них требования императрицы, добиться отказа Речи Посполитой от претензий на Лифляндию, гарантировать статус-кво и герцогские выборы в Курляндии.

В то же время рескрипты Фридриха Августа II к Ж. Лефорту предписывали уклоняться от каких-либо обязательств с Россией и не содержали

конкретных обязательств по Курляндии. Курфюрст рассчитывал, что императорские дворы будут вынуждены помогать ему без специальных соглашений, так как угроза воцарения Лещинского была слишком велика. Единственной уступкой в саксонском контрпроекте от 7/18 июня было признание императорского титула российской государыни. Желая смягчить впечатление, курфюрст по совету К. Г. Лёвенвольде отправил Анне Иоанновне две именные грамоты, содержание которых в целом соответствовало контрпроекту. Фридрих Август II просил обратить внимание, что не может обещать большего, чем позволяют королю законы Речи Посполитой.

Контрпроект был получен в России в самом конце июня, когда до выборов оставалось немногим больше двух месяцев. Реакцией Кабинета стал выработанный А. Остерманом, возможно, совместно с Лёвенвольде и Бироном, «ультимативный трактат», тогда же подписанный императрицей. Пожелания курфюрста были частично учтены. Гарантия ограничена Европой, вместо категорической поддержки российских интересов от будущего короля требовались «добрые услуги» при Речи Посполитой и обещание со своей стороны не способствовать инкорпорации Курляндии. Лёвенвольде получил приказ добиваться немедленного подписания договора в неизменном виде. Поскольку саксонские посланники в России не имели полномочий на обсуждение трактата, а посланники в Варшаве ознакомились уже с готовым и подписанным текстом, следует сделать вывод, что союзный договор выработывался без участия саксонской стороны. Тем более показательным является отсутствие в нем каких-либо гарантий для Курляндии, не упомянут и претендент на герцогскую корону. Хотя саксонские представители при российском дворе обсуждали с Остерманом и Бироном кандидатуру герцога, речь шла об одном из бранденбургских принцев и принце Иоганне Адольфе Саксен-Вейсенфельском. Таким образом, нет оснований утверждать, что Россия поддержала курфюрста из-за личных выгод фаворита или каких-либо обязательств Фридриха Августа II.

Четвертая глава

Этап решения польского вопроса, связанный с деятельностью К. Г. Лёвенвольде в целом завершился в январе 1734 г. коронацией курфюрста Фридриха Августа II под именем Августа III. Однако Речь Посполитая раздиралась гражданской войной сторонников Лещинского и Августа, которых поддерживали российские и саксонские войска. Помимо военных задач, таких как взятие Гданьска, где укрылся Станислав, и победы над его «адгерентами», встал вопрос подготовки т. н. «генеральной пацификации» Речи Посполитой, которая должна была завершиться признанием Августа законным королем на примирительном сейме. В условиях частых и продолжительных отлучек нового короля, вражды и ревности среди магнатов королевской партии задача примирения легла на нового российского посланника — Г. К. Кейзерлинга.

Кейзерлинг пришел к выводу, что пацификационному сейму должны предшествовать прокоролевские конфедерации и частные трактаты магнатов с королем. Значительную роль в привлечении сторонников Станислава к королевско-российской партии должно было сыграть обещание должностей, которое посланник обсуждал с саксонскими министрами, и т. н. либертации — освобождение магнатских имений от постоя и контрибуций. Сильно повлияло на расклад сил в стране взятие Гданьска и бегство Лещинского в Пруссию. Одним из первых перешедших на сторону Августа III магнатов стал фаворит Августа II и горячий сторонник Лещинского С. Понятовский. Благодаря Понятовскому, а также влиятельному краковскому епископу Я. А. Липскому Кейзерлинг получил возможность наладить переговорный процесс с предводителями партии Лещинского: воеводой Любецким Я. Тарло, воеводой Киевским Ю. Потоцким и примасом Т. Потоцким. Их пример побудил примириться с королем и вернуться в Речь Посполитую сторонников Лещинского, нашедших убежище на территории Пруссии. Процесс в целом завершился в 1735 г. Это сделало возможным назначение на осень того же года пацификационного сейма, особенно необходимого, так как мирные переговоры

Франции и Австрии на тот момент не были завершены и Август III еще не получил международного признания как король. Однако сейм 1735 г. был разорван вскоре после начала, так главное требование шляхты — полный вывод российских войск — выполнено не было.

В период, предшествующий новому сейму, назначенному на июнь 1736 г., Г. К. Кейзерлинг вступил в переговоры с саксонскими министрами и сенаторами по поводу традиционных для российско-польских отношений спорных пунктов. Первоначально пересланная ему инструкция отражала максимально жесткий подход по всем вопросам, не допускала какого-либо обсуждения проблемы Лифляндии или приднепровского барьера. Вместе с тем Кейзерлингу несколько раз было приказано действовать в соответствии с собственным видением ситуации при соблюдении единственного обязательного условия — сохранения прав и свобод Курляндии. Пользуясь расположением короля и сенаторов, Кейзерлинг до начала сейма сумел добиться подтверждения прав православных ВКЛ и королевской привилегии для новоизбранного белорусского епископа И. Волчанского, получил от сенаторов принципиальное согласие на сохранение статуса Курляндии и инициировал обмен мнениями по решению лифляндской и приднепровской проблем, в обсуждении которых строгое следование инструкциям Кабинета вело в тупик. Изучение исторических и юридических документов позволило Кейзерлингу найти формулировки, способные обеспечить необходимые для российских интересов решения сейма. Так, он обратил внимание, что Нарвский трактат, основа для претензий поляков на Лифляндию, никогда не был ратифицирован сеймом и, соответственно, не вступил в силу. Это позволило вычеркнуть лифляндский пункт из инструкции для подготовительных сеймиков. В то же время депутатам было предложено подтвердить права Курляндии на основании фундаментальных законов герцогства (*Pacta subjectionis* и *Formula regiminis*), не содержащих положения об инкорпорации, но предусматривавших ситуацию вакансии трона. Вследствие этого, пацификационный сейм 1736 г. при активной

работе Кейзерлинга с депутатами смог принять компромиссное решение по принципиальному для России курляндскому вопросу. Фундаментальные права герцогства были подтверждены. Король получил право после угасания нынешней династии назначить нового герцога, а комиссия 1727 г., чью деятельность в соответствии с решениями сейма 1726 г. депутаты одобрили, должна была продолжить свою работу, вырабатывая условия инвеституры с новым герцогом. Таким образом на пацификационном сейме произошло юридическое решение двух главных пунктов польского вопроса — признания прав выгодного для России монарха и подтверждение статуса Курляндии с сохранением герцогского правления.

Если проблема польского наследства таким образом была окончательно решена, то курляндский вопрос еще нуждался в практическом решении. И главным здесь был вопрос о кандидатуре будущего герцога.

В 1730–1735 гг. Курляндия неоднократно фигурировала в качестве «бонуса» для прусского короля за его участие в союзе. Определить, насколько эти обещания, как и соответствующие декларации Э. И. Бирона, отражали реальные намерения российского двора, сложно, так как Фридрих Вильгельм I последовательно отказывался от исполнения союзных обязательств. С другой стороны, в 1731–1735 гг. Ж. Лефорт и М. Линар не смогли выведать собственных планов Бирона на счет Курляндии. Прямые предложения обер-камергеру неизменно встречали с его стороны отказ. С начала 1735 г. Г. К. Кейзерлинг получал запросы от магнатов и саксонского двора относительно желательной для императрицы кандидатуры герцога, но российский двор не давал официальных ответов ни королю, ни собственному посланнику. В январе-феврале 1736 г. в письмах к Э. И. Бирону саксонский министр Г. Брюль и Август III прямо указывали, что наиболее выгодной для Саксонии является кандидатура российского обер-камергера. Тем не менее к началу сейма 1736 г. ни король, ни Сенат, ни Кейзерлинг не имели официальной информации о намерениях российского двора. Сам Бирон даже после сейма

отказывался передавать императрице рескрипт Августа III к М. Линару, требовавший определенного ответа, и соответствующим образом редактировал реляции Кейзерлинга. Это свидетельствует не только о личных сомнениях Бирона, но и о серьезных колебаниях в российском правительстве. Только в начале сентября 1736 г. Августу III и Г. К. Кейзерлинг получили уведомления, что Анна Иоанновна готова поддержать на выборах Бирона.

Относительно способа назначения герцога (прямым королевским указом, свободным избранием до или после смерти герцога Фердинанда) у саксонской стороны, Кабинета и Кейзерлинга также не было единого мнения, хотя вопрос специально обсуждался в Дрездене и в Петербурге, где дипломат находился с января по апрель 1737 г. Известие о смерти Фердинанда застигло Кейзерлинга в Митаве, на пути из Петербурга в Дрезден, и заставило его выбрать наиболее надежную и быструю тактику. По его настоянию в Митаве была созвана братская конференция рыцарства, что не требовало предварительного указа короля. На ней 12 июня курляндское рыцарство выбрало Э. И. Бирона. Само по себе решение братской конференции не означало избрания в герцоги. Кандидатуру должен был подтвердить король с согласия Сенатус-консилиума. Это потребовало от Кейзерлинга дополнительных переговоров, так как стремительное избрание натолкнулось на противодействие части польского высшего духовенства. 19 июля избрание Э. И. Бирона герцогом было утверждено. Курляндия сохранила автономию от Речи Посполитой, а на ее трон взошел зависимый от российского двора правитель.

Заключение

В Заключении подводятся итоги проделанной работы.

1. Основной комплекс проблем российско-польских отношений сложился к концу Северной войны. Главными из них были вопрос выбора преемника Августа II и статус Курляндского герцогства. Вопреки утверждениям членов российского правительства, а также распространенному в историографии мнению, представление об органической неприемлемости для российских

интересов наследного принца Саксонского и Станислава Лещинского сложилось лишь в 1727–1729 гг. и не соответствовало реальной политической обстановке тогдашней Европы и намерениям союзников России. Отказываясь от поддержки Лещинского и курпринца, не желая согласиться на австрийского кандидата инфанта Мануэля, Россия не могла подобрать и подходящую кандидатуру из польских магнатов, в результате чего к началу 1730-х гг. не имела собственного кандидата на польский престол. Аналогичная ситуация сложилась в курляндском вопросе. Авантюра с избранием Морица Саксонского и вмешательство А. Меншикова не привели к усилению российских позиций в Курляндии. Собственного кандидата у России также не было.

2. Круг приближенных Анны Иоанновны, оказывавших непосредственное влияние на формирование и воплощение внешнеполитической линии, определился к концу 1732 г. Из него последовательно были устранены Б. Х. Миних и П. Ягужинский, стремившиеся через самостоятельно проводимые переговоры с иностранными представителями уменьшить влияние А. Остермана. Руководство внешней политикой было сосредоточено в руках А. Остермана и сотрудничавших с ним Э. И. Бирона и К. Г. Лёвенвольде. Остерман и Бирон взяли на себя официальные и секретные переговоры внутри страны, Лёвенвольде работал над многосторонними союзами при иностранных дворах. Влияние на внешнюю политику частных интересов фаворитов императрицы источники не подтверждают.

3. В качестве альтернатив главному направлению российской политики, направленному на формирование тройственного союза, рассматривались: союз с Саксонией ради поддержки курпринца; союз с антиветтиновски настроенными магнатами и поддержка Лещинского; а также с Францией по широкому кругу вопросов, подразумевавший в том числе отказ от альянса с Австрией и помощь французским интересам в Речи Посполитой. Союз с Августом II был темой тайных переговоров Остермана и Бирона с посланником Ж. Лефортом. Причиной его неудачи стало нежелание Августа II вступать в

существующий тройственный союз, выходить в обсуждении условий на официальный уровень КИД и Кабинета и его ориентация на решение вопроса при помощи подкупа Остермана и Бирона. Польско-литовские оппозиционные магнаты никогда не обращались непосредственно к Анне Иоанновне или Кабинету с просьбой о поддержке Лещинского. Деятельность в его пользу осуществлялась французским секретарем Ж. Б. Маньяном и К. Урбановичем через П. Ягужинского, главной целью которого было свержение Остермана. Таким образом, линия на поддержку Лещинского приобрела характер придворного заговора и как таковая не обсуждалась в правительстве. Переговоры с Францией также велись с исключением наиболее близких императрице лиц. Некомпетентность в вопросах внешней политики Б. Х. Миниха и нежелание французского Кабинета связывать себя конкретными обязательствами привели к тому, что при передаче проекта Э. И. Бирону он был подвергнут серьезной критике и утратил шансы на поддержку фаворита. Отсутствие достаточных оснований для смены внешнеполитического курса во французском проекте было отмечено и в официальном ответе Кабинета министров, составленном при участии А. Остермана.

4. Анализ служебной переписки и дипломатических документов за 1730–1732 гг. позволил определить, что российско-австро-прусский союз по вопросу польского наследства представлял собой часть оборонительного союза, охватывавшего более широкий круг проблем европейской политики, и готовился на протяжении нескольких лет. Анализ текста польского артикула российско-прусского трактата (сентябрь 1730) и австро-российской конвенции (декабрь 1730) показал, что, вопреки сложившемуся в историографии мнению, эти тексты практически идентичны и не содержат упоминаний конкретных фигур (как поддерживаемых, так и отвергаемых), постулируя только неприятие прижизненного избрания. В процессе переговоров выяснились позиции сторон: общее неприятие профранцузских кандидатов (в т. ч. Лещинского) и расхождения по кандидатуре курпринца, против которого возражала Россия. В

ходе первой миссии К. Г. Лёвенвольде был определен единый кандидат союзников — инфант португальский Мануэль, однако несогласие по другим вопросам повлияло на содержание прелиминарных соглашений (сентябрь 1732). Анализ их текста показал, что они отразили наиболее непримиримую и однозначную позицию российского двора, утверждая в качестве единственного кандидата инфанта. Под влиянием Австрии в окончательный текст трактата (декабрь 1732) были внесены серьезные изменения. Вопреки господствующему в историографии представлению, трактат не исключал никого, кроме профранцузских кандидатов (Лещинского), и допускал замену основного кандидата (инфанта) на альтернативный вариант. Это отражало позицию австрийского двора, стремившегося сохранить возможность договора с саксонским принцем, а также Пруссии и России, считавших наиболее выгодной для себя кандидатуру Пяста. Изучение переписки сторон в процессе выработки трактата показало, что ни одна из трех держав не считала договор фиктивным. После смерти Августа II стороны предприняли определенные шаги для исполнения положений трактата. Задержка с его ратификацией и разменом воспринималась как временная мера и была поставлена в зависимость от позиции Фридриха Вильгельма I в юлих-бергском вопросе.

5. На основании сопоставления ранее не использованных и известных источников был сделан вывод, что первоначальные действия России в период бескоролья были направлены на исполнение трактата и поддержку инфанта португальского. Внимание России к кандидатуре курфюрста было вызвано анализом ситуации в Речи Посполитой и сообщениями о колебаниях австрийского двора. Курфюрст Фридрих Август II хотя и подтвердил намерение вступить в союз с Россией, воздерживался от конкретных обещаний, кроме обязательства признания императорского титула Анны Иоанновны. Гарантий сохранения статуса Курляндии он также не давал. Российско-саксонский трактат июля 1733 г. и предварявшие его документы не содержат каких-либо упоминаний о кандидатуре будущего курляндского герцога. Составление

первого и единственного варианта трактата происходило без участия саксонской стороны хотя и с частичным учетом ее мнения. Утверждение историков об обещании Бирону герцогской короны не согласуется с реалиями тогдашней политической ситуации, прямыми намерениями сторон и не находит подтверждения в саксонской и российской дипломатической переписке.

6. В условиях непрекращающихся военных действий на территории Речи Посполитой и длительного отсутствия новоизбранного короля задача по примирению враждующих партий и подготовке пацификационного сейма легла на российского посланника Г. К. Кейзерлинга, использовавшего для этого метод частных индивидуальных переговоров с наиболее влиятельными сторонникам С. Лещинского и Августа. Одновременно, пользуясь разрешением петербургского правительства на самостоятельное определение тактики переговоров, он сумел выработать наиболее удобную для обсуждения сейма формулировку курляндской проблемы. Непосредственные контакты Кейзерлинга с депутатами Посольской избы и сенаторами позволили провести на сейме 1736 г. подтверждение конституций Курляндии и добиться сохранения герцогского правления.

7. Анализ ранее не использовавшихся отечественной историографией материалов переписки Бирона, российских и саксонских дипломатических документов, а также их сопоставление с хронологией событий позволило поставить под сомнение тезис о изначально существовавшем намерении правительства Анны Иоанновны утвердить Бирона герцогом в Курляндии. Несмотря на постоянную угрозу угасания династии Кетлеров, официальное подтверждение этого намерения состоялось только в сентябре 1736 г., спустя три месяца после решения сейма. Это свидетельствует о серьезных колебаниях российского правительства. Изучение событий мая-июня 1737 г., предшествующих и последующих обсуждений в Сенате позволило опровергнуть положение о насильственном избрании Бирона курляндцами.

8. Таким образом, польский вопрос в правление Анны Иоанновны,

наиболее актуальный для первой половины ее царствования, представлял собой органическую часть системы союзов, в которые вступила Россия в начале 1730-х гг., и способствовал превращению страны в гегемона на Востоке Европы. Необходимость решения польского вопроса активизировала примирение России с «морскими державами» и Персией, а также вынудило европейских монархов искать союза с императрицей. В царствование Анны Иоанновны в соответствии с российскими интересами были решены обе наиболее принципиальные проблемы восточноевропейской политики России. За счет возведения на трон дружественного короля укрепилось российское влияние в Речи Посполитой. Была сохранена буферная зона на Балтике с установлением на законных основаниях режима наибольшего благоприятствования для российских интересов благодаря возведению на курляндский трон пророссийского кандидата. Польская политика Анны Иоанновны в целом соответствовала политической линии Петра I и его ближайших преемников. Приоритет отдавался соблюдению интересов России в конкретных внешнеполитических обстоятельствах. Примером этого служат как ранние переговоры с Августом II, поддержка инфанта Мануэля ради долговременного союза с Австрией, так и окончательный выбор в пользу саксонского курфюрста и его принуждение к союзу на российских условиях. Тактика одновременных тайных переговоров о взаимоисключающих союзах, которую проводили в 1730–1733 гг. Остерман, Бирон и Лёвенвольде, соответствует дипломатическим тенденциям 2-й четверти XVIII в. и демонстрирует отсутствие заданных схем и гибкость дипломатического мышления правительства Анны Иоанновны.